

Выходить ежедневно утромъ.

Цена отдельнаго номера:

въ Латвіи: 10 сѣнт (5 латв. р.)

въ Литвѣ: за оба издав. 50 цѣн.

СЕГООДНЯ

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита или заним. въ мѣсто — въ Латвіи въ текств	Л 1.20 (60 р. латв.)	} + 5% гор. налога
предл. труда.	— 14 (7 " ")	
спросъ	— 30 (15 " ")	
фирмы и увесел. учр.	— 34 (17 " ")	
позади текста	— 30 (15 " ")	

Редакція, главная контора и экспедиція:
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 63/65.

Телефонъ редакціи 199, гл. конторы 59-90.

Отдѣленіе конторы: Рига, Известкован 15, тел. 5-24.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 7 час. вечера.
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 5 час. вечера.
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата въ мѣсяцъ:

въ Латвіи	Л 2.50 (125 руб.)
Заграницей	4.— (200 ")
"	80 амер. центовъ.

Почтовый ящикъ № 83.

Текущіе счета:

въ почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ	№ 115.
Банкъ Латвіи	№ 634.
коммерческомъ банкѣ, Ковно.	

Драма дамы.

Вы помните чеховский рассказ, где герой убил прессы-паппу ту даму, которая пришла к нему прочесть свою пьесу? Вы помните и то, что присяжные оправдали убийцу?

Въ юмористической формѣ Чеховъ, думается мнѣ, показывалъ здѣсь явленіе, достаточно серьезное. Драма дамы, несомнѣнно, была очень плоха, — являе хозяйнѣ со своей гостей не поступилъ бы такъ невѣжливо. Но вѣдь зрѣлищ той писанной драмы, которая даму привела къ трагедіи и погубила ее у чужого письменнаго стола, подъ бременемъ тужой письменной принадлежности, несчастная госпожа была обладательницей, была пассивнымъ авторомъ еще и другой, уже настоящей, живой драмы, какою развертывалась ея собственная жизнь.

Люди вообще — драматурги. Тѣмъ, что мы живемъ, естественно и прирожденно создаемъ мы вѣчную реальную драму. Она состоитъ изъ большого или меньшаго числа сценъ и дѣйствій, она бываетъ растянута или сжата, принимаетъ, вопреки правиламъ эстетической эстетики, нарушая ту художественную скупость, которая не глушится, свин-то мы хотимъ, чтобы она была подлиннѣе и чтобы какъ можно дольше не упала съ ея окончательный занавѣсъ. Такъ составляется репертуаръ исторій, такъ буквами пишется лией пишется драматическая литература человечества, такъ происходитъ спектакль судьбы.

Чеховская дама была неталантлива; ея драма состояла въ томъ, что она этого не сознавала. Она сочиняла драмы, не понимая, что сама она — драма на ходу. Она попала не на свою пьесу, играла роль не своего амбула, а въ томъ была она виновна.

та не больше, а меньше, чѣмъ тотъ режиссеръ, который людямъ-авторамъ, людямъ-актерамъ властно распределяетъ роли. Драма дамы тѣмъ была сильнѣе, что обѣ онѣ — и дама, и драма — были смѣшны. Это бываетъ очень трагично, когда мы комичны. И вотъ, даровитый писатель посягнулъ надъ писательницей бездарной, Чеховъ казнилъ ее смѣшной смертью и въ ея лицѣ насмѣшливо изображалъ ту человеческую разнородность, которая заполняетъ собой сѣрые ряды графомановъ.

Въ наше время, когда такъ много страданія, надо бережливѣе тратить свое состраданіе. И оттого расточать послѣднее на жертвы писательской маніи было бы грѣхомъ по отношенію къ тѣмъ избраннымъ, несчастнымъ, къ тѣмъ аристократамъ невзгоды, которые неизмѣримо болѣе достойны нашего сочувствія. И все-таки заслуживаютъ жалости и они, чеховская дама и ея многочисленные коллеги, безумной и безнадежной любовью влюбленные въ перо, губители бумаги, палачи чернилъ. Они такъ вѣрять въ свое мнимое назначеніе, они такъ преданы тому, что ихъ предастъ. Жестокимъ разочарованіемъ бываетъ для нихъ литературная псуада, а въ своей безадачливости не могутъ они винить самихъ себя, потому что они находятся во власти той иллюзіи, будто принадлежать они къ

числу не только званныхъ, но и избранныхъ. Да и то сказать: развѣ противъ такой иллюзіи, вкрадливой и сладкой, есть какія-нибудь вѣрно и сильно дѣйствующія средства? Развѣ можно съ нею побѣдоносно бороться? и, въ связи съ этимъ, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ такая неоспоримая, объективная и обязательная черта, которая отдѣляла бы подлинную литературу отъ поддѣльной? Вѣдь считалъ же Толстой Шекспира писателемъ посредственнымъ и славу англійскаго трагика объяснялъ психозомъ публики . . .

Дама и драмы, которые подвергаются осмѣянію, вспомнились мнѣ по тому поводу, что недавно почти всѣ газеты облетѣла вѣсть о той несчастной, которая въ Парижѣ покушалась покуситься на Красина, которая въ Берлинѣ покушалась покуситься на Эйнштейна. Я встрѣчалъ ее, года три назадъ, въ Москвѣ. Она тогда изныла попытки дѣлала: не убивать, а писать. Она сочиняла драмы и настойчиво предлагала ихъ вниманію критиковъ. Она мнила себя писательницей и своей систематическія неудачи на литературномъ поприщѣ приписывала заискиванію и замалчиванію другихъ писателей, — конкуренція мужчинъ. Она ходила, вооруженная не револьверомъ, какъ въ послѣдствіи за границей, а толстыми рукописями, и онѣ приводили въ трепетъ тѣхъ, къ кому она приближалась. Ея избѣгали. Стиль ея драмъ былъ такой же, какъ и у чеховской героини, и потому она могла ожидать подобной же участи. Но чеховская героиня была глупа, московская

дама была безумна (впрочемъ, одно изъ этихъ свойствъ не исключаетъ другого, — не исключая и въ данномъ случаѣ . . .). Убѣдитъ нашу москвичку въ томъ, что ей не слѣдуетъ открывать чернильницу, было невозможно, — не говоря уже о томъ, что убѣждать ее въ этомъ значило бы наносить тяжелые удары ея самолюбію, ея завѣтнымъ ожиданіямъ, ея довѣрію къ себѣ. Необходимо было ее шадить. Но необходимо было шадить и литературу, оберегать и ее отъ покушеній — хотя бы и не такъ тщательно, какъ оберегаютъ отъ низъ драгоцѣную особу Красина . . . И потому были такъ тяготны, такъ непереносимы бесѣды съ московской дамой, и уже не такимъ жестоко рисовалось воображенію чеховское прессы-паппе . . .

Но вотъ именно на этомъ примѣрѣ можно видѣть, что отъ смѣшного до скорбнаго — одинъ шагъ. Вызываешь смѣхъ успѣли неискускаго пера; но та рука, которая его неумѣло держитъ, способна въ отчаяніи и наступленіи схватиться и за другое оружіе. Ибо въ душѣ у непризнаннаго человека совершается драма, — подчасъ болѣе глубокая, чѣмъ драма той дамы, которая въ рассказѣ Чехова навлекала на себя повистіи убійственному критику . . .

Однако, съ другой стороны, и критика должна исполнять свое назначеніе, и она не можетъ не отвергать того, на чемъ не лежитъ благословенная печать таланта. И если въ критику входитъ и насмѣшка, то это только естественно: все неулаженное вызываетъ смѣхъ, на все неулаженное мы легко откликаемся той улыбкой, которая убиваетъ. Именно поэтому-то, если я только что сказалъ, что отъ смѣшного до скорбнаго — одинъ шагъ, то давно уже пѣкто болѣе авторитетный сказать, что одинъ шагъ — отъ великаго до смѣшного.

Критикъ у Чехова убилъ реально, другіе критики ии гла добиваются словесно. Этимъ они подчасъ своеобразно поправляютъ драмы тѣхъ дамъ, которыхъ они критикуютъ. Ибо сомнительная драма, литературная отступаетъ, тогда передъ несомнѣнной драмой душевной.

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ.

Циркъ Саламонскаго

Ул. Марселя № 4

Въ воскресенье, 22 февраля

Телефонъ 8-49

2 большихъ представленія

въ 5 часа дня
и въ 8 час. веч.

Послѣднее воскресенье февральской программы съ участіемъ всѣми лучшими аттракц. Капп.

Дрессированные звѣри.

ПРИМѢЧАНІЕ: На дневномъ представленіи дѣти до 10 лѣтъ въ сопровожденіи взрослыхъ бесплатно или 2 дѣти на 1 билетъ.

БУШ Прогнозъ в 1808 года.
Маска Идентича 8, (Лепелетъ)